

Анна ЯВДОСИЮК-МАЛЭК

Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie

anna.jawdosiuuk@gmail.com

НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ – ИДЕЯ СБЕРЕЖЕНИЯ НАРОДА В ПУБЛИЦИСТИКЕ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

ABSTRACT

The idea of the Nation Salvation in the journalism of Alexander Solzhenitsyn

In his publicism of the 90's, especially in „Russia in the collapse”, Alexander Solzhenitsyn continues the discourse on the Russian idea, which was started back in the nineteenth century by Peter Chaadaev. This proves that Solzhenitsyn is a continuator of the great Russian literature. Solzhenitsyn's Russian Idea, which is the idea of the Nation Salvation (идея Сбережения Народа), is based on Orthodox ethics and belief. The idea of Salvation of the Nation is not a philosophical treatise, but the social and national program intended to reconstruct the nation identity after communist disaster in the twentieth century. First of all the program assumes to preserve memory of the culture, language, traditions and most importantly, the faith – Orthodoxy, which is the core of Russian national identity. The second important aspect is to build national unity; in the opinion of the writer nation remains divided, atomized, the Russians do not feel belonging to a community, have no responsibility for history. Thirdly, the author of „Russia's collapse,” sees the need for transformation, reconstruction of national identity, what he calls „moral revolution”. The nation who believes in God, united by respect for common, centuries-old tradition, aware of their culture, traditions, using pure language, not divided to the center and province, active, self-governing, rejecting top-down control – this is the Solzhenitsyn ideal. The writer not only believed in it – he lived in this way.

Keywords: Alexander Solzhenitsyn, Russian literature

Słowa kluczowe: Aleksander Solżenicyn, literatura rosyjska, rosyjska idea

«Россия в обвале» (1998) – это последний труд Александра Исаевича, касающийся «русского вопроса» конца XX века, завершающий дискуссию на эту тему, начатую писателем ещё в эмиграции, в известном эссе «Как нам обустроить Россию?» (1990) и в работе «Русский вопрос к концу XX века» (1994).

Основой для «России в обвале» стали наблюдения Солженицына после поездки по 26 российским областям во время возвращения на родину, после свыше 20-летнего изгнания. Своего рода паломничество Солженицына по провинции России было очень плодотворным, а *обмен мыслями и фразами*¹ с жителями российской глубинки на Дальнем Востоке повлиял на творческую энергию, немолодого уже, писателя и позволил создать образ России конца XX столетия. Знаменательным, беспрецедентным событием в посткоммунистической истории России и следующим фактором, который повлиял на образ мыслей Солженицына, зафиксированных на страницах *России в обвале*, является речь нобелианта в Государственной Думе, 28 октября 1994 года. С думской трибуны прозвучали слова об идее Сбережения Народа и они были приняты правительством с полным презрением и проигнорированы, – по замечанию Андрея Зубова².

В *России в обвале* Солженицын подчёркивает, что он *продолжает разговор о нынешнем состоянии и судьбе народа – русского* (с. 5). Публицистика писателя включается в русло рефлексии о русской идее и поэтому бесспорно можно сказать, что Александр Солженицын продолжает дискурс, начатый философом XIX столетия Петром Чаадаевым, который, – *как констатирует Леонид Поляков, – задал логику «русской идеи» (...) оказался исключительно плодотворным для всей последующей русской мысли, пытавшейся либо подтвердить и усилить новыми аргументами позицию Чаадаева, либо вновь и вновь опровергать её с помощью выявления сокровенной сущности русского начала*³.

Другой исследователь русской мысли замечает: *в современной полемике о будущем России так часто звучат темы, ставшие традиционными для русской мысли, начиная с XIX века, – о судьбе страны, ее месте в мировой истории, ее соотношении с западной и восточной цивилизациями*⁴.

Оказывается, перед Россией Чаадаева и Россией Солженицына стоит та же задача: **выбор исторического пути**. При всех идеологических различиях двух мыслителей у того, и у другого сохраняются надежды на будущее России, причём свет-

¹ Солженицын А. У., Россия в обвале. Москва, 2009. С. 5. Далее все цитаты из этой книги даются в скобках, прямо в тексте.

² Зубов А., Между отчаянием и надеждой: политические воззрения А. И. Солженицына 1990-х годов // Между двумя юбилеями 1998-2003 ред. Струве Н. А., Москвин В. А., Москва, 2005, С. 210.

³ Поляков А. Логика «русской идеи» // «Общественные науки и современность» 1993, № 3. С. 73.

⁴ Волгогонова О., Россия как идея: Есть ли будущее у русской идеи? // «Мир России» 2000, № 2, С. 28.

лые, радужные, в семье цивилизованных народов⁵. Многие критики творчества Солженицына замечают, что писатель остаётся в русле идей Достоевского (которого часто цитирует), Толстого, Данилевского⁶, Соловьёва (понимание народов как моральных существ)⁷, Аксакова (русская история как всеобщая исповедь)⁸. Анна Возняк указывает на инспирации Солженицына русскими религиозными мыслителями, связанными со сборниками *Вехи* и *Из глубины*, с Бердяевым, Франком и Булгаковым.⁹ Анжей де Лазари называет Александра Исаевича славянофильствующим мыслителем¹⁰, современным почвенником¹¹. Здесь уместно бы упомянуть слова Анны Разыны, которая начало 90-х годов обозначает как ренессанс консерватизма в России, и время возрождения традиций славянофильства, панславизма и евразийства,¹² а Солженицын ей видится в консервативно-патриотическом русле¹³. Что же касается начала 90-х годов, то писатель именно тогда вступает в свободную полемику о национальном самосознании русского народа, причём истоки дискурса о русском вопросе у Солженицына Рой Медведев находит уже в конце 70-х годов, когда Солженицын пришел к выводу, что истинный смысл его нового положения и его главная задача – это «отстояние неискаженной русской истории и путей русского будущего»¹⁴. Именно к этому периоду – отмечает Медведев, относятся программные документы и статьи Солженицына: *Письмо вождям Советского Союза, Образованищина, На возврате дыхания и сознания, Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни*, в которых писатель изложил свои «генеральные идеи» – в основном о бедствиях и судьбе русского народа¹⁵. В 80-е годы Солженицын почти не задавался вопросом о русской идее, работая над «Красным колесом», в 90-е годы нобелиант вернулся

⁵ Коган С. Н. Русский вопрос в социально-философском творчестве А. И. Солженицына. Архангельск, 2000, С. 10.

⁶ Там же. С. 19.

⁷ Suchanek L. Aleksander Solżenicyn. Dramat w czterech odsłonach // „Slavia Orientalis” 2008, T. 57, № 4. С. 456.

⁸ Nivat G. Fenomen Solżenicyna, tłum. A. Dwulit, tłum. z ros. dzieł Solżenicyna niepub. w jęz. pol. Gondowicz J. Łódź, 2009. С. 231. Переводпольскогемой – А.Я.-М. Дальше в тексте так же, если не указано иначе.

⁹ Woźniak A. O Rosji i o paradoksach wzajemnego niezrozumienia w twórczości pisarzy rosyjskich XX wieku // Wschód i Zachód w poszukiwaniu Europy duchowej / red. Oldakowska-Kuflowa M., Woźniak A., Stebler M. Lublin, 2006. С.150.

¹⁰ Idee w Rosji: Leksykon rosyjsko-polsko-angielski / red. de Lazari A. Warszawa, 1999. С. 310-324 (hasło: Солженицын Александр Исаевич).

¹¹ Mentalność rosyjska: Słownik / red. de Lazari A. Katowice, 1995. С.16.

¹² Raźny A., Rola cywilizacji w antyglobalistycznych koncepcjach konserwatystów rosyjskich // W kręgu wartości: Bóg, Człowiek, Świat w kulturze i literaturach wschodniosłowiańskich / red. Woźniak A., Kowalczyk W. Lublin, 2010. С. 260.

¹³ Там же. С. 262.

¹⁴ Медведев Р. Солженицын и Сахаров. Москва, 2002. С. 130.

¹⁵ Там же. С. 131.

к рефлексии о русскости и подвёл итоги своих размышлений именно в работе выдвинутой мною в заглавии.

В 1998 году Солженицын заявил, что Россия в обвале, как в материальном, так и в духовном плане. Резюмируя богатые размышления автора Архипелага ГУЛАГ об экономическо-политическом и нравственно-культурном кризисе русского народа, сосредоточимся на катастрофе его духовной жизни. А причины этой катастрофы, по мнению писателя, в отступничестве русских от Бога и православия. Сейчас у нас... я бы не осмелился повторить так, как раньше говорили о России, – христианский народ¹⁶ – утверждает писатель в интервью 2000 года. С этим связано разрушение народа, разорение его стержня – национального сознания. Ответом Солженицына на духовный кризис соотечественников является **национальная идея – Сбережение Народа** (с. 60): (...) после всех пережитых нами изнурительных потерь, – нам на долгое время достаточно задачи Сбережения гибнущего народа¹⁷. Предлагаю рассмотреть солженицынскую идею в трёх аспектах: во-первых, как проблему памяти о прошлом; во-вторых, как проблему единства нации и, в-третьих, как задачу преобразования обезличенного русского народа (т.е. «нравственной революции»).

Итальянская учёная, Рита Джульяни в статье о русской идее конца XX века отмечает важность гамлетовского вопроса Солженицына: быть нашему народу или не быть?¹⁸ Если на это ответить положительно, то что значит быть русским сегодня? (с. 12). А именно этот вопрос народ задает писателю во время его поездки по областям Дальнего Востока России. Этот вопрос заключает в себе **проблему памяти** о прошлом: о культуре, литературе, традициях и обычаях, о неискажённом русском языке¹⁹, о русской истории и авторитетах народа, памяти о праведниках, без которых, по пословице, не стоит село, ни город, ни вся земля²⁰. В работе *Как нам обустроить Россию?* Солженицын констатирует: весь XX век жестоко проигран нашей страной²¹. В *России в обвале* читаем: Немалые силы (...) направлены к тому, чтобы нас, русских, обезличить (...) опала наша воля защитить облик, свою особость, духовную органичность. (с. 155) Для Солженицына стержнем народа является его духовность и вера, которая изначально повлияла на характер русской нации. На вопрос о целесообразности суждений о нации, как о моральном существе, он отвечает положительно, (...) народные характеры существуют несомненно. Они

¹⁶ Беседа А. Солженицына с Витторио Страда // Между двумя юбилеями 1998-2003 / *сост. Струве Н. А., Москвин В. А. Москва, 2005. С. 36.*

¹⁷ Интервью „Написано кровью“ // „Der Spiegel“. 2007. С. 80-81. http://www.solzhenitsyn.ru/upload/text/Solzhenitsyn_A.I._Napisano_krovju.pdf.

¹⁸ Giuliani R. Русский вопрос в конце XX века глазами филологов / *перевод с итальянского Ямпольского А. // „Toronto Slavic Quarterly“. 2005, № 12. <http://www.utoronto.ca/tsq/12/juliani12.shtml>.*

¹⁹ См.: Русский словарь языкового расширения / *сост. Солженицын А. Москва, 2000. http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/russkiy_slovar_yazikovogo_rashhireniya/.*

²⁰ *Солженицын А. У. Матренин двор // Тенже. Рассказы, Москва, 2011. С. 150.*

²¹ *Тенже. Как нам обустроить Россию?. 1990. С. 121. http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_izgnanii/kak_nam_obustroit_rossiyu.pdf.*

создаются наслоением опыта народной истории, традиций, обычаев, мировосприятия (с. 160). Автор *России в обвале* много места уделяет характеру русского народа, он подчёркивает отличие русского мирозерцания от западно-европейского и восточно-азиатского (мусульманского и буддийского), чем отмежевывается от западничества и евразийства, течений возродившихся в начале 1990-х годов в после перестроечной России. Особенно в евразийстве и теории о принадлежности России к Азии²², что влечёт за собой возможность восстановления СССР и империи, Солженицын замечает угрозу национальной гибели в мусульманском большинстве и отказ от русского культурного своеобразия (с. 45).

По мнению Солженицына то, что создало русский культурный тип, – это, во-первых, территориальная открытая община, отсюда – всеоткрытость русского характера, лёгкая ассимиляция других народов (с. 161), во-вторых, православие. Все народные начала, которыми мы восхищаемся, почти сплошь выросли из православия (с. 161) – здесь Солженицын ссылается на Достоевского. В-третьих, крестьянский характер общества, что породило покорное смирение с судьбой, сострадательность, способность к самоотвержению и самопожертвованию и, готовность к самоосуждению, раскаянию... (с. 161). Именно на этой особенности русского характера нобелиант сосредоточивается в статье 1973 года *Раскаяние и самоограничение как характер национальной жизни*. Приведу обширную, но, на мой взгляд, уместную цитату, которая высвечивает точку зрения автора относительно исконных черт русского характера. Эта статья и пишется с верой в природную склонность русских к раскаянию, к покаянию, а потому в нашу способность даже и в нынешнем состоянии найти импульс к нему и явить всемирный пример. Не случайно одна из опорных пословиц, выражающих русское миропонимание, была (была до революции...) – НЕ В СИЛЕ БОГ, А В ПРАВДЕ. Конечно, не от одной природы нашей так, но, влиятельней, от православия, очень искренне усвоенного когда-то всею народной толщей²³.

Идеал русского человека (здесь подразумевается и отдельный человек и народ в целом), по мнению Солженицына, – это человек веры и молитвы, который цель жизни видит не в материальных успехах, но в самосовершенствовании, согласно христианской этике. Как замечает писатель, русскость связана с: прямодушием, простотой поведения, юмором в большой доле, отзывчивостью, широким, всеоткрытым умом и широтой характера, размахом решений (с. 163). Обратной стороной медали являются пороки русского человека.

Равномерной методичности, настойчивости, внутренней дисциплины – болезненное всего не хватает русскому характеру (...) беспечность, лень, мечтатель-

²² Спор русско-японский о Южные Курилы Солженицын называет *упорной тупостью наших властей*. Отдав обширные земли с многомиллионным русским населением Украине и Казахстану, власти отказываются вернуть маленькие острова, никогда не принадлежавшие России. Больше об этой проблеме см. *Солженицын А. У.* Россия в обвале. С. 45-46.

²³ *Тенже*. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни. 1973. С. 26. http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_sovetskom_soyuze/raskayanie_i_samoogranichenie.pdf.

ное легкомыслие, стихийность (...) вместо понимания реальности – грёзы (...) Да самой-то воли не хватает (с. 164-165).

Согласно Солженицыну, разные исторические события формировали и видоизменяли русский характер; писатель отмечает, что особо жестоко на культурный облик нации повлияли религиозный раскол XVIII века, петровский период и коммунистическая эпоха. Не углубляясь в подробную историю эволюции русского характера, представленную писателем в труде *Русский вопрос к концу XX века*, достаточно отметить, что духовное состояние русского народа на пороге XX столетия Солженицын считал сильно нарушенным, подорванным. Наш образованный слой уже в течение XIX века весь откинулся, отклонился от религии. Но и в нашем простонародье, которое оставалось свято верующим ещё и весь XIX век, – уже на рубеже XIX-XX вв. в нём начало проявляется (...) атеистическое хулиганство, в деревнях даже глухих, которое подготавливало кадры для близкой уже революции²⁴. И именно эту непрочность русского характера, оторванность интеллигенции от почвы, крестьянского народа от веры и Бога использовали творцы Февральского переворота 1917 года. А большевики-то быстро взяли русский характер в железо и направили работать на себя (с. 170), – пишет Солженицын. Автор «Архипелага...» верно полагает, что с помощью террора и парализующего страха коммунисты испортили и перевернули (с. 171) русский характер, внедряя в нового советского человека скрытность, недоверчивость, равнодушие к гибели другого человека (родственника, друга, соседа, незнакомого), и другие черты, совсем несвойственны русскому характеру: неблагодарность, жестокость, всепробивность до крайнего нахальства (с. 171), Поражает само бесчувствие русских к русским! (с. 173), – отмечает писатель. Он подчёркивает, что советский режим способствовал подъёму и успеху худших личностей (с. 171), что и привело русский народ к катастрофе во всех областях общественно-государственной и духовной жизни уже после перестройки. Подводя итоги эпохи коммунизма на пороге новой России, Солженицын призывает свой народ помнить о том, что формировало русского человека и сохранить веру, характер, язык, дух и сознание исторической традиции (с. 175-176). Верный путь выздоровления и развития русского общества писатель видит в духовной жизни народа, чистоте общественных отношений, самоограничении и раскаянии власти и народа; по мнению автора *России в обвале* всё это возможно, лишь на основе христианской веры.

Одним из залогов возрождения русского человека писатель считает осознание принадлежности к собственному народу, который отличается от других наций, в первую очередь характером, своей оригинальной культурой, литературой, историей, языком, в котором зафиксирована мудрость предков. Уместным здесь будет обратить внимание на употребление Солженицыным многочисленных пословиц, поговорок, крылатых фраз, выражающих народную мудрость, которые напоминают о богатом наследии крестьянской России и являются моралью, нравоучением,

²⁴ Беседа А. Солженицына... С. 38.

итогом мысли писателя. И не случайно, Жорж Нива сравнивает роль пословиц у Солженицына с ролью хора в древнегреческой трагедии²⁵.

В своей последней работе, касающейся русского вопроса Александр Исаевич пишет: «наше национальное сознание впало в летаргию. (...) Мы – в национальном обмороке» (с. 156). Национальное сознание опирается на любовь к родине, нобелиант призывает свой народ, к которому вернулся из 20-летнего изгнания, к единению, согласию, сплочению, ответственности и патриотизму. На этот момент обратил внимание и американский исследователь творчества Солженицына:

Очень любивший Россию писатель призывает и своих читателей любить ее. И он делает это не только в форме прямого публицистического обращения, не только нравственной и исторической направленностью своей прозы, но и ее прекрасной художественностью, чудесным образом эстетизированной конструкцией и фактурой. (...) А в двадцать первом веке России будет очень нужна любовь²⁶

По словам же писателя, единственной «идеологией» русского народа рубежа веков должен быть патриотизм чистый, любовный, строительный (с. 155) и – без никаких приставок («социал-патриотизм», левая и ленинская брань, «национал-патриотизм», нынешняя брань) (с. 152). Отметим в связи с этим, что много критиков и журналистов укоряло Солженицына в национализме и даже шовинизме, примером может послужить негативное отношение Роя Медведева к позиции нобелианта и его трактовке русского вопроса. В книге «Солженицын и Сахаров», оценивая резонанс «России в обвале», Медведев называет идею Сбережения Народа – солженицынским национализмом: Для всех почти течений и групп в российском образованном обществе не слишком привлекательными оказались и сами эти идеи. Солженицын никогда не был склонен и способен вести диалог. Но у него не нашлось и верных последователей, которые могли бы взять эту работу на себя. Такое одиночество Солженицына как национального мыслителя и идеолога не кажется удивительным, ибо оно связано с крайней неубедительностью всех главных концепций солженицынского национализма²⁷. В ответ Медведеву можно привести слова французского учёного Жоржа Нива, который пишет, что все это из-за странного национализма, который требует территориального самоограничения, раскаяния за грехи и отречения от империализма²⁸.

Валентин Распутин как-то заметил по поводу возвращения писателя на родину: Он возвращается ни к правым, ни к левым, а в Россию. И я думаю, что он употребит свой огромный мировой авторитет на поддержку России национальной и самостоятельной²⁹. При всём при том, сам писатель объясняет, что он имеет ввиду, говоря о патриотизме. Приведу его слова:

²⁵ Nivat G. Fenomen... С. 260.

²⁶ Темпест Р. А. Солженицын – писатель XXI века // Путь Солженицына в контексте Большого Времени / ред. Сараскина Л. У. Москва, 2009. С. 290.

²⁷ Медведев Р. А. Солженицын... С. 134.

²⁸ Nivat G. Fenomen... С. 229.

²⁹ Цитата за: Сараскина Л. Солженицын. Москва 2009. С. 821.

Патриотизм – это цельное и настойчивое чувство любви к своей родине, с готовностью жертвовать ей, делить невзгоды, но со служением не угодливым, не подержкою несправедливых притязаний, а откровенным в оценке её пороков, грехов и в раскаянии за них (с. 152)

Избегая каких бы то не было расовых ассоциаций Солженицын видит национальность и принадлежность к народу не в крови, а в сердечных привязанностях и духовном направлении личности (с. 174). Эту позицию писателя подтверждает Галина Старовойтова, отмечая: только Солженицын своим чутьём может помочь определить будущее страны, сформировав патриотическую русскую идею в не шовинистических словах и выражениях³⁰.

Вернусь ещё раз к книге Жоржа Нива. В ней исследователь утверждает, что хотя писатель и не читал славянофилов, и к тому же отрицал свою связь с ними, всё же у него много общего с философией этого движения. Славянофильство начинается у Солженицына с неразрывной связи с отечеством, несмотря на то, в каком положении оно остаётся³¹. Неразрывная связь с отечеством означает у Солженицына единство народа, согласие и его сплочение, которое будет возможным только тогда, когда русские осознают принадлежность к своей выстраданной культуре (с. 156). Писатель прямо заявляет: у русских есть **право на корни**, кроме того, есть **обязанность помнить о своём наследии**, а значит о языке, культуре и, самое главное, о Боге и вере – православии, которое определило русский характер (именно поэтому он очень много места уделяет свойствам характера русского человека и народа – «русской загадочной душе») и легло в основу понимания русской идеи. Согласно писателю, православие является стержнем русского народа, его культуры, и основой его национального сознания. Все «генеральные идеи» у Солженицына, т.е. формула о раскаянии, самоограничении, нравственном понимании истории, вытекают из православного мировоззрения. Автор *России в обвале* заявляет: (...) вне духовной укрепы от православия нам на ноги не встать. Если мы не бессмысленное стадо – нужна же нам достойная основа нашего единства. (...) Именно православность, а не имперская державность создала русский культурный тип (с. 187).

Реальным залогом единства русских Солженицын считает демократию малых пространств, власть, восходящую снизу вверх, при этом автор указывает на корни самоуправления в России, ссылаясь на традицию и историю земств (начиная с XVI столетия), и принцип их существования: **взвешивается правота доводов, а не число голосов** (с. 193). Спасение народа, выход из летаргии сознания писатель видит в объединении, понимаемом и в общественно-жизненном плане: Объединяться для этого по каждому возникающему поводу – бытовому, профессиональному, культурному, в кругу житейского интереса. Объединяться в активные общественные, профессиональные, культурные группы (с. 189). Будущее Православной Церкви, с точки зрения Солженицына, связано с самоуправлением и активностью светской её части; и здесь писатель ставит в пример католичество,

³⁰ Цитата за: там же. С. 839.

³¹ *Nivat G. Fenomen...* С. 221.

протестантство и ислам: все они социально активны, и в этом естественно проявляется связь народа со своей религией (с. 183). Народ верующий, осознающий своё единство, народ сохраняющий память о прошлом, активный, самоуправляющийся, и неуправляемый сверху, – вот это идеал Солженицына.

Однако на пути к идеалу должно произойти **преобразование русского народа**. Ещё в изгнании Солженицын писал: Мы должны строить **Россию нравственную** – или уж никакую, тогда и всё равно. Все добрые семена, какие на Руси ещё чудом не дотоптаны, – мы должны выбрать и вырастить³². При всех похвалах Солженицына в адрес соотечественников и их национального характера писатель резко критикует усталое безразличие к своей судьбе (...) косность, вялость в общественной жизни (с. 203), вековое отчуждение нашего народа от политики и от общественной деятельности (с. 165), которые породили согласие на ложь преступной и античеловеческой коммунистической системы. Мыслитель задаётся вопросом: как преодолеть усталое безразличие русских, их страх, круговая замкнутость, пассивность в общественной жизни, как создать гражданское общество, контролирующее власть, народ ответственный за свою судьбу? И далее, отнюдь не риторически Солженицын спрашивает: а сопротивление? (с. 199). Писатель указывает на пути спасения народа от страха и греховного безразличия:

Наше спасение – только в нашем самодействии, возрождаемом снизу вверх. Ах, если бы, если бы мы были способны к истинному всеобъединению: мирными средствами, но воистину выразить наш гнев – так, чтобы власти в своём мраморном корыте задрожали и очнулись (с. 200)

Все идеи и слова Солженицына есть следствие его личной жизни; своим собственным бесстрашием он доказал, что «и один в поле воин», что каждый отдельный человек имеет волю и совесть, поэтому он всегда может и должен супротивиться злу, насилию и лжи. В своё время Солженицын призывал советских граждан Жить не по лжи! Добавим: русским гражданам в качестве завещания он оставил ещё один этический принцип: Ощутить каждому, что ты – не щепка, что ты можешь повлиять на идущее: когда – через бесстрашие, когда – через выдержку (с. 203).

Выраженная Солженицыным русская идея XXI века – это не философский научный трактат, это национально-общественная программа и идеология, базисом которой является христианская этика. Идея Сбережения Народа (некоторые аспекты которой я пыталась здесь рассмотреть) является солженицынской вполне разумной утопией и воплощением идеального представления о России.

БИБЛИОГРАФИЯ:

Беседа А. Солженицына с Витторио Страда // Между двумя юбилеями 1998-2003 / *сост. Струве Н. А., Москвин В. А. Москва, 2005. С. 36-47.*

³² Солженицын А. У. „Русский вопрос“ к концу XX века. http://solzhenicyn.ru/modules/myarticles/article_storyid_299.html.

- Волгогонова О., Россия как идея: Есть ли будущее у русской идеи? // „Мир России” 2000, № 2, С. 28-52.
- Зубов А., Между отчаянием и надеждой: политические воззрения А. И. Солженицына 1990-х годов // Между двумя юбилеями 1998-2003 *ред. Струве Н. А., Москвин В. А.*, Москва, 2005, С. 205-214.
- Интервью „Написано кровью” // „Der Spiegel”. 2007. С. 75-82. http://www.solzhenitsyn.ru/upload/text/Solzhenitsyn_A.I._Napisano_krovju.pdf.
- Коган С. Н. Русский вопрос в социально-философском творчестве А. И. Солженицына. Архангельск, 2000.
- Медведев Р. А. Солженицын и Сахаров, Москва, 2002.
- Поляков Л. Логика „русской идеи” // „Общественные науки и современность” 1993, № 3-5.
- Сараскина Л. Солженицын. Москва, 2009.
- Солженицын А. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни. 1973. С. 26. http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_sovetskom_soyuze/raskayanie_i_samoogranichenie.pdf.
- Солженицын А. У. Россия в обвале. Москва, 2009.
- Солженицын А. У. „Русский вопрос” к концу XX века. http://solzhenitsyn.ru/modules/my-articles/article_storyid_299.html.
- Темпест Р. Солженицын – писатель XXI века // Путь Солженицына в контексте Большого Времени / ред. Сараскина Л. У. Москва, 2009. С. 277-291.
- Флоренский П. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Тенже, Собрание сочинений. Т. 1. Париж, 1985. С. 366, <http://nesusvet.narod.ru/ico/books/floren.htm>.
- Giuliani R. Русский вопрос в конце XX века глазами филологов / перевод с итальянского Ямпольского А. // „Toronto Slavic Quarterly”. 2005, № 12. <http://www.utoronto.ca/tsq/12/juliani12.shtml>.
- Idee w Rosji: Leksykon rosyjsko-polsko-angielski / *red. de Lazari A.* Warszawa, 1999. С. 310-324 (hasło: Солженицын Александр Исаевич).
- Mentalność rosyjska: Słownik / *red. de Lazari A.* Katowice, 1995.
- Nivat G. Fenomen Sołżenicyna, tłum. A. Dwulit, tłum. z ros. dzieł Sołżenicyna niepub. w jęz. pol. Gondowicz J. Łódź, 2009.
- Raźny A., Rola cywilizacji w antyglobalistycznych koncepcjach konserwatystów rosyjskich // W kręgu wartości: Bóg, Człowiek, Świat w kulturze i literaturach wschodniosłowiańskich / *red. Woźniak A., Kowalczyk W.* Lublin, 2010. С. 259-270.
- Suchanek L. Aleksander Sołżenicyn: Dramat w czterech odsłonach // „Slavia Orientalis” 2008, Т. 57, № 4. С. 443-461.
- Woźniak A. O Rosji i o paradoksach wzajemnego niezrozumienia w twórczości pisarzy rosyjskich XX wieku [w:] Wschód i Zachód w poszukiwaniu Europy duchowej / *red. Ołdakowska-Kusłowa M., Woźniak A., Stebler M.* Lublin, 2006. С.150-161.